

ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ АГРЕССИВНОЙ САМО ПРЕЗЕНТАЦИИ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ АКТ ДИСКУРСИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНФЛИКТЕ

Н.А. Белоус

Статья посвящена выявлению перформативности агрессивной само презентации в конфликтном дискурсе. Автор указывает на наличие уровней и единиц функционально-семантического представления конфликтного дискурса, обеспечивающих его коммуникативную целостность. Представлены матрица функциональных особенностей и доказательства иерархии взаимоотношений между составляющими иллокутивной структуры конфликтного дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникация, дискурс, перформативность, агрессия

БЕЛОУС Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Института иностранных языков Московского Авиационного Института. bn66@mail.ru

Цитирование: Белоус Н.А. Перформативность агрессивной само презентации как комплексный акт дискурсивного взаимодействия в конфликте [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019, № 1. – С. 55–74. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

PERFORMATIVE UTTERANCES OF AGGRESSIVE SELF PRESENTATION AS A COMPLEX COLLABORATION IN A CONFLICT DISCOURSE

Natalia A. Belous

The article is dedicated to the analyses of performative features of aggression among conflict discours' functional features. The author pointed out the existence of levels & the elements which provide the communicative integrity of conflict discours functional & semantic representation. There are a functional

peculiarities matrix & evidence relationship hierarchy among the elements of conflict discours illocutive structure.

KEY WORDS: communication, conflict, aggression, performative utterances

BELOUS Natalia A. – PhD in Philology, associate professor of English department of Institute of foreign languages of Moscow Aviation Institute. bn66@mail.ru

Citation: Belous N.A. Performative utterances of aggressive self presentation as a complex collaboration in a conflict discourse// World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2019, № 1. – P. 55–74. Access mode: www.tverlingua.ru

*«Открытое разногласие — часто — признак движения вперед. Мы говорим, но слушаем. Мы слушаем, но не для того, чтобы молчат.»
Махатма Ганди*

Каким образом мы пытаемся воздействовать на других людей, когда нас не устраивает их поведение? Как в такие моменты мы сообщаем о том, что нас волнует? Если принять во внимание знаменитую идею А. Экзюпери, ставшей афоризмом: «Человек замечает в мире лишь то, что уже несет в себе», то современный человек говорящий более агрессивен, чем склонен к эмпатии или миролюбию (не считая просветленных буддистов). Настоящая эпоха человеческой коммуникации носит среди прочих устойчивую характеристику агрессивности, в коннотации которой стали различать теперь и положительные смыслы, которые, с нашей точки зрения, весьма спорны. Словари определяют «агрессивность» (лат. *aggressio* - *нападать*) или враждебность как устойчивую характеристику субъекта, отражающую его предрасположенность к поведению, целью которого является причинение вреда окружающему. Хотя агрессивность играла решающую роль в ходе

эволюции человека, некоторые психологи утверждают, что агрессивность не присуща человеческому существу изначально, что дети усваивают модели агрессивного поведения практически с момента рождения.

Причинами агрессивности могут выступать разного рода конфликты, в том числе внутренние, при этом такие психологические процессы как эмпатия, идентификация и децентрация сдерживают агрессию, так как являются ключом к пониманию других и осознанию их самостоятельной ценности. Агрессия требует значительных энергетических и мотивационных затрат, термин «агрессивный» по отношению, стал применяться как характеристика, означающая настойчивость при преодолении преград и активность в достижении целей, направленных на распределение и перераспределение ресурсов. В качестве ресурсов может выступать еда, поло-репродуктивные ценности (партнёр, потомство), социальный статус (власть, доход, престиж), территория, психологический и коммуникативный комфорт. Агрессивность в конфликтном дискурсе — свойство говорящей личности, выраженное в предпочтении использования насильственных вербальных способов для достижения своих иллюкативных целей, проявление агрессии или готовность её проявить, стимулятором такой необходимости является страх дефицита ресурсов, в том числе и в диалогическом пространстве.

Диалогическое пространство является одной из современных проблем коммуникативного и когнитивного направлений лингвистики, достижения которых позволяют все более детально выявлять особенности взаимоотношений языка и человека мыслящего и говорящего в рамках человеческого речевого поведения. Пристальное внимание к исследованию проблемы коммуникативного успеха лингвисты обратили, главным образом, во второй половине двадцатого века. Прагматическая характеристика вербальной коммуникации, связанная с эффективностью реализации языковых знаков в плане воздействия речевой интеракции на поведение

коммуникантов в условиях конкретных ситуаций различного характера, являлась и является предметом изучения ряда отечественных и зарубежных ученых (Апресян, 2003; Кусов, 1999; Леонтьев, 1969; Падучева, 1996; Романов, 1986, 1988, 1991, 2002, 2004, 2005; Сусов, 1986, 1990; Спивак, 1977; Austin, 1963; Downes, 1977; Fraser, 1975; Gale, 1976; Searle, 1977; Strawson, 1964). Но, как предмет лингвистического исследования, конфликтный дискурс - область изученная отчасти: остается открытым вопрос о функциональной роли речевых конфликтных произведений собеседников в рамках динамической модели диалогического общения; недостаточно исследованы конфликтные дискурсивные практики в ходе реализации субъектами речевых действий регулятивной деятельности как набора функционально-прагматических единиц – регулятивов, предназначенных решать конкретные коммуникативные задачи в конфликтной речевой интеракции, которая может реализовываться в дискурсивных образованиях, построенных в соответствии с функционально-семантическим представлением конфликтного дискурса. Поэт был трижды прав, уповая не прибегать к агрессии при любых невозможностях реализовать иллокутивную цель:

«Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать... » (27 февраля 1869 (Федор Тютчев))

Несмотря на уверенность человека в том, что нельзя "заглянуть" в сознание другого, практически каждый из нас убежден, что существуют определенные ментальные процессы, которые связывают производство и понимание текста как с высказыванием, текстом и коммуникацией, так и с социальными явлениями. Данный факт становится особенно очевидным при анализе таких феноменов, как

- языковое поведение персон в рамках реализации профессиональных задач и так называемых бытовых коммуникативных ситуаций,

- стереотипы коммуникативных отношений «правых» и «виноватых», «агрессоров» и «защитников»,

- предрассудки, присущие различным социальным группам, где наблюдаются перформативные акты агрессивной само презентации. «В функционально-семантическом плане реализуемый акт речевой агрессии способен раскрывать себя «в системе социальных фреймов» (схем интерпретации), потому что социальный фрейм, по Гоффману, присутствует в любом восприятии. «Социальные фреймы, согласно взглядам Ирвинга Гоффмана, обеспечивают фоновое понимание событий, в которых участвует воля, целеполагание и разумность – «живая деятельность, воплощение которой является человек». В основе реализации любого акта самопрезентации лежат схемы или фреймы, обнаруживающие то, «что есть нечто осмысленное в тех особенностях» (или конфигурациях, типовых проявлениях, в терминологии авторов статьи) сцены жизни (конкретной ситуации, конкретного проявления), «которые в ином случае не имели бы смысла» (Гоффман, 2003)» (Романов, 2018)

«Жить нормально всем – значит быть обществом. А общество – уже не толпа, не масса, договариваться надо, да-с, и, следовательно, уметь говорить, формулировать, а речь в упадке, она все дефицитнее» (Черникова, 2008: 9).

Насколько верно утверждение, что люди не меняются и их речевое поведение всегда постоянно? Что именно нам мешает всегда находится вне конфликтных речевых действий? Можно ли сознательно избежать речевых войн? Существуют ли способы преодолеть себя и приобрести опыт регулярного хорошего расположения духа, имея возможность распространять приятные изменения в мир вокруг себя в профессиональной и межличностной коммуникации? Как правильно «поставить диагноз» своим качествам личного и профессионального общения? Где взять мотивацию для

мирных перемен? Какие условия необходимы для изменений, и как заставить себя говорить на родном языке иначе?

"Некоторым счастливицам дано нечто, не входящее в рамки любых классификаций поведения, нечто более ценное, чем любые игры, – способность сознавать происходящее, действовать спонтанно и вступать в подлинно близкие отношения с другими людьми. Но неподготовленному человеку все три возможности представляются пугающими и даже опасными. Пожалуй, для большинства людей лучше оставаться такими, какие они есть, и искать решение своих проблем в популярных социальных методах, например, в чувстве общности с другими людьми. Об этом можно было бы сказать и так: для человечества в целом нет надежды, но для отдельного человека она есть." (Эрик Берн, 1998) Более того, мы обязаны принимать во внимание убеждения, мнения, воспоминания о прошлом при изучении проблемы идентичности, изложении событий прошлого, поскольку они являются обязательными составляющими рассматриваемых дискурсивных практик; такие понятия, как "коллективная память", "воображаемое сообщество" есть неотъемлемые категории когнитивных процессов (Halbwachs, 1985; Anderson, 1988; Confino, 1997; Wodak, 1999; Heeretal, 2003; Musolff, 2004).

Актуальность обращения к теме функциональных особенностей конфликтного дискурса в коммуникативном пространстве объясняется наличием устойчивого интереса к проблемам конфликта как такового в рамках различных научных дисциплин и отсутствием систематического описания этого феномена с позиций коммуникативной лингвистики. Кроме того, даже в повседневной жизни мы постоянно на собственном опыте убеждаемся, как мы неизбежно и чаще всего автоматически сводим сложности жизни к определенным ментальным моделям, общеизвестным истинам, которые влияют на принятие решений и межличностное взаимодействие (Luhmann, 1984). Будучи носителем определенной культуры,

человек научился быстро распознавать систематически повторяющиеся события, соответственно реагировать на них и обновлять информацию (см. Kunda, 1999). Таким образом, когнитивный и социокогнитивный подходы становятся частью исследований дискурсивных практик, поскольку задачей любого направления в дискурсивном анализе является анализ/понимание и объяснение социальных проблем междисциплинарного характера. (Водак, 2006: 123-136)

Наше исследование проводилось в свете решения общей лингвистической задачи – различения контекстов конфликтного дискурса и случаев их прагматического употребления и возможности нивелирования агрессивной перформативности при само презентации реципиентов дискурса. «Совершенно не обязательно сначала доводить в разговоре дело до конфликтов, чтобы потом пожинать плоды обсуждаемого процесса. Но хотя мы и неплохо владеем им, у нас не всегда получается то полнокровное общение, к которому мы стремимся. Вопреки всем нашим добрым намерениям мы снова и снова доводим дело до оскорбительных препираний и своими словами и манерой речи причиняем боль и страдание.» (Руст, 2008: 8) В качестве *конфликтного дискурса* (далее - КД) выступает такое речевое взаимодействие собеседников, иллокутивная доминанта которого характеризуется наличием столкновения коммуникативных целей, репрезентация которых содержит имплицитные или эксплицитные инвективы, в результате чего в целом консеквент характеризуется тем, что участники дискурса испытывают различного спектра эмоции (в зависимости от типа речевой личности и ее иллокутивных намерений) благодаря вербальному воздействию друг на друга.

Функциональная специфика, которая определяет содержание КД, воплощается в прагматической характеристике его языковых единиц. Прагматическая перекодировка моделирует новых адресата / адресанта на протяжении выявления оценки обозначаемого с помощью маркированных

единиц. Отличительной чертой прагматических отношений реципиентов КД является наличие имплицитной и эксплицитной неосознанной агрессивности. Основу конфликтогенного сознания реципиентов КД составляют стереотипы, ориентация, предпочтения, тесно связанные с враждебностью. Речеповеденческими актами субъектов КД являются символические действия агрессивного характера. Направленность конфликтного дискурса связывается с ролью, исполняемой каждым из коммуникантов\реципиентов, иллокутивные намерения которых противоположны. Участники-субъекты КД находятся в состоянии противоборства. Языковые средства представления «враждебности» являются семантической основой функционирования означаемого КД. Интенсивность распределения и причины появления конфликтных маркеров (которые могут иметь не/вербальный, имплицитный и эксплицитный характер) зависят от иллокутивных намерений реципиентов КД и от влияния условий пресуппозиционной базы на содержание иллокутивной доминанты КД. Иллокутивная цель оскорбляющего агрессивного коммуниканта в процессе КД заключается в совершении социально значимых поступков, негативно маркированных с точки зрения системы общественных социальных ценностей, влияющих на выбор речевого поведения объекта оскорбления. По характеру интенционального взаимодействия зачинщика и вовлеченного коммуниканта коммуникативные конфликтные ситуации разнообразны. Функциональные особенности КД позволяют выделить типы КД, определяемые особенностями речевого поведения реципиентов КД: КД, характеризуемый неуправляемым взрывом потенциальной энергии и спонтанный КД, затрагивающий нравственно-психологический аспект взаимоотношений реципиентов. Корпус примеров (общий объем – 4800 диалогов, в том числе 2457 на русском языке и 2343 – на английском (с переводом)) позволяет указать на характерные сценарии КД: комиссивный сценарий декларативно-экспрессивного дискурса; сатисфактив в составе

контактивно-регулятивного фрейма; редко встречаются регламентивы, как варианты контактивно-регулятивного фрейма; еще реже встречаются аргументативы - при участии в КД, зачинщик, для достижения своих целей часто использует директивный фрейм, тогда как вовлеченному коммуниканту следует нарушать коммуникативный план зачинщика, для реализации своих иллокутивных намерений.

Целостность дискурса в функциональном плане обеспечивается его коммуникативной направленностью. Функционально – семантическое представление дискурса (термин проф. Романова А.А) (далее ФСП), отражает акт референтой привязки содержания текста к целевому (иллокутивному) акту. ФСП дискурса конфликтного характера включает в себя различные уровни, соединение которых обеспечивает его целостность как коммуникативной единицы.

Иллокутивный уровень опирается на коммуникативный смысл конфликта и языковую форму его выражения, что дает возможность описания этого уровня с помощью семантических и формально-грамматических средств, здесь находит свое выражение интенция коммуникантов КД. Единицей уровня является иллокутивный акт. Под иллокутивностью понимается способ речевой привязки коммуникантов КД в процессе реализации инструментальной функции языка. Примером иллокуции в КД могут быть вариации на тему «**Я** абсолютно\частично **против** твоих намерений», реализуемые комбинациями следующих типов: «*Что такое вы себе позволяете...*»; «*Я прошу тебя, а ты не...*»; «*Я так хочу, чтобы ты не ...*»; «*Неужели ты не можешь...*»; «*Я тебе велю, но ты не...*» и подобные. Иллокутивная доминанта (*P1: Как же можно было не заметить такую ерундовую ошибку? P2: Это не ошибка, по моему то мнению! P1: Ну ты и бестолочь! P2: Сам – дурак!*) играет роль зачина в иерархии иллокутивной последовательности потенциальных единиц, которые

приобретают конфликтную окраску в процессе обмена иллокутивными намерениями.

Единицей тематического уровня является пропозиция, актуализированная реципиентом КД в конфликтном речевом контексте. Актуализированная пропозиция в дискурсе конфликтного характера представляет собой объединение пропозиции и выбранных реципиентом КД актуализаторов (спецификаторов, маркеров КД) для выхода/входа в дискурс конфликтного характера. Пропозиция – это такая конфигурация фактов, которая отражает отношение-сочетание «столкнувшихся» предметов, объединенных регулятором (субъектно-объектным отношением: школьником о намерении учительницы схитрить в игре - *«Вот это – да! А еще учительница! Учительница французского!»* («обман» абсолютно не совместим в языковой картине мира говорящего коммуниканта подросткового возраста с образом «учитель иностранного языка»)). По пропозициям складывается характер отношений между объектом КД (предметом конфликта) и субъектом КД (коммуникантом/реципиентом КД), как только подключается еще один коммуникант КД, образуется дискурс. Способ языковой реализации коммуникативного, а именно конфликтного содержания определяется в немалой степени иллокутивной направленностью текста репликовых шагов в опоре на пропозициональные актуализаторы. Кроме того, каждый конфликтный дискурс имеет пресупозиционную базу, как обязательное обстоятельство существования КД.

Функциональные особенности КД можно оценивать сквозь призму прагматического фактора и тогда получаем типы КД, определяемые речевым поведением зачинщика КД, и КД, определяемые речевым поведением вовлеченного коммуниканта КД. Учет речевого поведения зачинщика принципиально важен, потому, что роль зачинщика не исчерпывается признаком пассивности. С одной стороны, у зачинщика есть свои типовые поведенческие реакции. С другой стороны, зачинщик сам в той или иной

мере выступает фактором КД. Все это позволяет утверждать, что коммуникативная роль зачинщика – конституирующий признак функциональных особенностей коммуникативных конфликтов.

Матрицу функциональных особенностей КД составляют следующие принципиальные параметры. С позиций зачинщика типы конфликтных коммуникативных ситуаций определяются фактором интенции: по этому признаку они делятся на осознанно провоцируемые и непреднамеренные. С позиций вовлеченного коммуниканта основной функциональной особенностью выступает результативность – наличие или отсутствие его реакции на конфликтогенные элементы. По характеру иллюкутивного взаимодействия зачинщика и вовлеченного коммуниканта коммуникативные ситуации разнообразны. Например, с позиций зачинщика возможны следующие типы иллюкутивного содержания: зачинщик оценивает вовлеченного коммуниканта как объект необходимой, справедливой по содержанию критики; зачинщик ощущает себя спровоцированным вовлеченным коммуникантом и, следовательно, обязанным дать адекватный отпор; зачинщик намерен обратить конфликтную ситуацию в свою пользу, сознательно использует слабости вовлеченного коммуниканта, к которым, в частности, может относить чрезмерную обидчивость. С позиций вовлеченного коммуниканта существенную роль играет его оценка преднамеренности действий зачинщика, их справедливости и адекватности. Выбор сценария зависит, в основном, от социального статуса коммуникантов КД. Если социальный статус зачинщика выше, выбирается иньюктивный (реже инструктивный) сценарий. Но сам характер маркеров КД предполагает понижение социального статуса вовлеченного коммуниканта, поэтому зачинщик может избрать директивный фрейм в качестве основы построения дискурса, даже если его социальный статус ниже инвектируемого субъекта, и тем более в ситуации, когда социальные статусы реципиентов КД равны. Выбирая декларативно-экспрессивный фрейм в качестве основы построения

КД, зачинщик чаще использует экспозитивный и комиссивный сценарии, используя угрозу как основное средство воздействия на вовлеченного коммуниканта и понижения его статуса.

По функциональному содержанию конфликта КД можно разделить на: объективные /субъективные КД; принципиальные /случайные; ситуативные КД. Функциональные особенности КД могут зависеть от статусных взаимоотношений зачинщика и вовлеченного коммуниканта. Выделим некоторые типы КД, принимая за критерий выделения прагматический фактор:

1. КД, характеризуемый неуправляемым взрывом потенциальной энергии. Пример: *P1 - водитель, муж.; P2 – водитель, жен.; дорога; вечер; P1 «подрезает» P2; P1>P2.*

P1: Эй, ты, обезьяна с рулём, ты куда прешь?!(1)

P2: Сам смотри куда едешь, олух!(1а)

P1: Научись руль в руках держать, а потом уже машину покупай, идиотка!!! (1б)

Это одна из наиболее часто встречающихся форм конфликта – реализация двух агрессивных энергетических потенциалов трансформируется в резкую вербальную агрессию. Пример КД показывает конфликт как способ разрядки конфликтогенной социально-психологической энергии. Язык «предоставляет» для этого соответствующие формы воплощения, с признаками фреймовой организации (предложение перемены условий фрейма (*P1: Лови молоток!* (*P2* не успел среагировать на предложение и молоток упал на ногу.) *P2: Вася, ты не прав!*) является редким исключением и в реальной коммуникации практически не встречается).

2. Спонтанный КД, затрагивающий нравственно-психологический аспект взаимоотношений реципиентов. Пример (ПелевинВ. Чапаев и пустота): *P1 – Сердюк; P2 – Мария; P1>P2; помещение; вечер.*

P1: Дурак ты, Мария, - презрительно сказал Сердюк. - Неужели ты не понимаешь, что у вас с Арнольдом любовь только здесь может быть?(1)

P2: Фильтруй базар!(1a) А то я тебе, журавлиная морда, этим бюстом башку разобью.(2)

P1: Ну попробуй, козёл,- сказал побледневший Сердюк, вставая со стула, - попробуй!(2a)

P2: А я и пробовать не буду, – тоже вставая ответил Мария, - я просто сделаю и всё. За такие слова убивают, в натуре.(3)

В мимолетных случайных коммуникативных стычках отражаются стороны языковой личности, сформированные предшествующим языковым опытом. В каждом конкретном случае очевидны характеры столкнувшихся личностей и стереотипы их речевого поведения, проявившиеся в этой ситуации: один P1 может быть склонен к манипулятивному (игровому) способу использования языка, когда говорится одно, а предполагается другое, насыщению фразы двусмысленностями, косвенными смыслами, намеками, недоговоренностями; другой P2 – к более непосредственному, однозначному применению языковых знаков и правил.

Социальная действительность, окружающая человека, создает его особое видение мира, восприятие поступающей информации и оказывает влияние на выбор им языковых средств выражения эмоциональности в процессе КД. Дифференциация общества по социальному статусу обуславливает социальную дифференциацию языковых средств выражения эмоциональности в процессе КД. Обычно общество делится на несколько страт: социальная индикация речи наиболее четко проявляется при конфликтной речевой деятельности представителей двух полюсов общества, высшего класса и низшего класса. Пример (Sheldon S. Tell me your dreams): P1 - Walter Manning; P2 - Alette; P1>P2; мастерская; полдень.

*P1: This has to be a **unanimous decision**. My daughter's a professional artist - he looked at Alette - not a dilettante. She did this as a favor. We **can't turn her down**.*
(1)

P2: But, Walter -(1a)

*P1: No, sir. This **has to be unanimous**. We are either giving him my daughter's painting or we don't give him anything **at all**.* (2)

P2: I ... like her painting very much. Let's give it to the pastor. (2a)

В данном примере Walter Manning - представитель более высокого социального уровня, именно он выступает в качестве инициатора конфликта. Социальный фактор тесно связан с возрастным фактором, так как одним из определяющих показателей статуса человека является его образование, его знания о мире, приобретенные за прожитые годы. В процессе КД менее образованные и более молодые коммуниканты склонны к непримиримости в силу невозможности мгновенно оценить установку собеседника, и стараясь произвести впечатление на слушающего, теряют возможность контролировать свои риторические позиции. Социальная дистанция указывает на официальный характер отношений между участниками. Специфика социальной дистанции определяется такими факторами, как равноположенность или неравноположенность по статусу общающихся. В некоторой степени особое значение в ситуации не/равноположенности коммуникантов имеет сформулированный П. Грайсом принцип кооперации, соблюдение которого определено зависит от социального статуса говорящего и его представления о социальном статусе слушающего. Например, если инициатор КД выше по статусу, чем вовлеченный в КД, и не представляет «особой ценности» для говорящего, он может вполне отказаться от соблюдения принципа кооперации с целью прекратить интеракцию в короткий срок. Данный пример (Show I. Nightwork.) представляет одну из возможных комбинаций факторов: P1 - Dr. Patterson;

P2 - Jim Cleary; P1>P2; дома у P; поздний вечер; ситуация – позднее возвращение с вечеринки.

P1: Do you have any idea how late it is? (1)(ÉÄ)

P2: I am sorry, sir. The party-(1a)(ÉÄ)

*P1: **Don't** give me any of your **goddamn** excuses. **Who the hell** do you **think** you are fooling?(2)*

P2: I'm not- (2a)

*P1: From now on, you **keep your goddamned hands off** my daughter, do you understand?(3)*

P2: Sir-(3a)

*P1: You keep out of this. He was screaming now, Cleary, I want you to get the hell out of here and stay out. **If I ever see you around here again**, I'll break every bone in your body. (3б)(ИД)*

Dr. Patterson обладает более высоким статусом, нежели Jim Cleary, и именно выступает в качестве инициатора конфликта, в процессе диалогического общения он не позволяет собеседнику высказаться, постоянно обрывая его речевые высказывания. Выбирая декларативно-экспрессивный фрейм, вовлеченный коммуникант, в свою очередь использует клятвы, зароки, обещания, что входит в комиссивный сценарий декларативно-экспрессивного дискурса.

Что касается контактивно-регулятивного фрейма, то в ходе КД чаще используется входящий в этот фрейм сатисфактив-сценарий. Зачинщик, представляет свои иллокутивные намерения, упрекая, порицая, обвиняя либо критикуя вовлеченного коммуниканта (например, с помощью инвективы), в то время как тот может отвечать сожалением, или, что более типично, переходит в другой фрейм (например, декларативно – экспрессивный с использованием экспозитива-сценария), что в свою очередь ведёт к коммуникативному рассогласованию и способствует развитию конфликтной ситуации. Регламентивы, как варианты контактивно-регулятивного фрейма, в КД

встречаются редко, и используются автором для достижения эффекта экспрессивности. Аргументативы встречаются реже, но их использование может повернуть дискурс в такое русло, где зачинщик, намеревавшийся унизить вовлеченного коммуниканта, сам оказывается на позиции вовлеченного коммуниканта и дискурс переходит в незапланированный им фрейм. При участии в КД, зачинщик, для достижения своих целей часто использует директивный фрейм, тогда как вовлеченному коммуниканту следует нарушать коммуникативный план зачинщика, для того, чтобы избежать унижения. В любом случае КД возникает на позиции рассогласования коммуникативных тактик коммуникантов, так как они преследуют различные цели – зачинщик – унизить вовлеченного коммуниканта и реализовать свои коммуникативные интенции, вовлеченный коммуникант – не дать инвектору обидеть себя и добиться своих поставленных в ходе коммуникации целей.

Как было заявлено, фреймовый сценарий реализации типового иллокутивного потенциала задает иерархический характер взаимоотношений между составляющими иллокутивной структуры КД. Пример (Dagen W. Problem child), где участники конфликтной интеракции находятся в пределах неравноположенных статусно-ролевых отношений горничная (P2) < хозяйка (P1) дома; действие происходит в доме P1; полуденное время суток.

P1: Ruby! I need a bottle of champagne. We are going to celebrate. May I have a key to the liquor cabinet, please? (1)

P2: What key? (1a)

P1: The key, Ruby.(2)

*P2 : There is no key. **Do you want to take this conversation outside?** (2a)*

*P1: **Bring me the key!!!** (3) (ИД)*

*P2: **Ok! And fix your hair, or you look like the damned cockatoo.** (3a)*

P1: She is such a fabulous assistant!(4)

Появление иллокутивной доминанты, содержащей конфликтный маркер, свидетельствует о начале открытого конфликтного взаимодействия.

Рамки локальной и темпоральной пресуппозиций являются ограничителями возникновения и развития конфликтной ситуации.

Таким образом, дискурс конфликтного характера в функционально-семантическом представлении включает в себя иллокутивный, тематический и манифестационный уровни. Единицами уровней, формирующих функционально-семантическое представление конфликтного дискурса, являются: тематического уровня - пропозиция (актуализированная реципиентом КД в конфликтном речевом контексте); иллокутивного - иллокутивный акт; лексико-синтаксического манифестационного – языковые средства, выбранные коммуникантами для обмена репликовыми шагами.

КД характеризуется наличием иллокутивных намерений участников конфликтной интеракции, определенным набором пропозиций, а так же пресуппозиционной базой, которая обеспечивает устойчивость показателей целостности КД. Иерархия взаимоотношений между составляющими иллокутивной структуры дискурса задается фреймовым сценарием реализации типового иллокутивного потенциала агрессивного характера. Матрицу функциональных особенностей составляют осознанно провоцируемые и непреднамеренные конфликтогенные элементы, используемые реципиентами в перформативном акте агрессивной само презентации.

Ссылки – References in Russian

Апресян, 2003 – *Апресян В.Ю.* ИмPLICITная агрессия в языке //Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. Международная. конференции “Диалог 2003”. – М. – 2003. – С.45–48.

Гоффман, 2000 – *Гоффман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. Перевод с английского. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

Кусов, 1999: 47 – *Кусов Г.В.* Суггестивная функция языка судебного разбирательства / Единство системного и функционального анализа

языковых единиц / Материалы международной научной конференции. – Белгород: БГУ, 1999. – С. 47–55.

Леонтьев, 1969 - *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. – М.: 1969. – 214 с.

Падучева, 1986: 156 – *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 153–158.

Романов, 1986 – *Романов А. А.* Уровни функционально-семантического анализа текста // Текст. Контекст. Подтекст. – М.: 1986. – С. 10–17.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Институт языкознания РАН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.

Романов, 1991 - *Романов А.А.* Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Текст в коммуникации: Сб. науч. тр. – М.: ИЯ АН СССР, 1991. – С. 82–99.

Романов, 2004 - *Романов А.А.* Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. – М.: Ин-т языкознания, 2004. – С. 246.

Романов, 2005 - *Романов А.А.* Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – М.: ИЯ РАН, 2005. – 153с.

Романов, 2018 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Презентационный акт selfie в коммуникативном пространстве социальных сетей // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018, № 1. – С. 1–3. Режим доступа: [http:// www.tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Руст, 2008 – *Руст С.* Если Жираф танцует с Волком. – СПб.: Питер, 2008. – 128 с.

Сусов, 1990 - *Сусов И.П.* Прагматика дискурса и этнолингвистические проблемы // Прагматика этноспецифического дискурса. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1990. – 254 с.

Сусов, 1996 – Сусов И.П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы. - Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1986. – 248 с.

Спивак, 1987 – Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания: проблема текста // Вопросы языкознания. – В.2. – 1987. – С. 77–86.

References

Apresyan, V. (2003) Implicit aggression in language // *Computer linguistics and intellectual technologies: notes of international conference “Dialogue 2003”*, M., pp. 45-48. (in Russian).

Austin, J. (1963) Constative // *Philosophy and Ordinary Language*, Urbana, Univ. of Illinois Press, pp. 22–54.

Downes, W. (1977) The Imperatives and Pragmatics // *Journal of Linguistics*, vol. 13, No. 1, pp. 77–97.

Fraser, A (1975) Hedged Performatives // *Syntax and Semantics*. Vol. 3. Speech Acts / Ed. by P. Cole, J.L., Morgan, New York etc., Academic Press, pp. 187–210.

Gale, R (1976) Do performative utterances have any constative function // *The Journal of Philosophy*, vol. 67, No. 12, pp. 117–121.

Goffman, I. (2000) *Introducing yourself to others in everyday life*, M., Kanon-Press-C, Kuchkovo pole (in Russian).

Kusov. G (1999) Suggestive function of language during a trial // *The unit of system and functional analysis of language / Materials of international scientific conference*, Belgorod: BGU, pp. 47–55. (in Russian).

Leontjev, A (1969) *Language, speech, speech activity*, M, 214 p. (in Russian).

Paducheva, E (1986) Utterance and its interrelationship with reality // *New in abroad linguistics*, M., Progress, Vol. 17, pp. 153–158. (in Russian).

Romanov, A. (1986) Urovni funkcionalno-semanticheskogo analiza teksta. // *Text. Context. Podtext*. M., pp. 10–17. (in Russian).

Romanov, A. (1988) *Sistemnyj analiz reguljativnyh sredstv dialogicheskogo obshhenija*, M., Institut jazykoznanija RAN SSSR, Kalininskij SHI (in Russian).

Romanov, A. (1991) Illocutionary knowledge, illocutionary actions and illocutionary structure of dialogical text // *Tekst v kommunikacii. Sb. nauchnyh trudov*, Otv. red. prof. A.A. Romanov i A.M. Shahnarovich, M., In-t jazykoznanija AN SSSR; Tverskaja GSHA, pp. 82–100 (in Russian).

Romanov, A. (2004) Psychosemiotics of visual communication in the somatographic space // Romanov A.A., Sorokin Ju.A. *Somatikon: Aspekty neverbal'noj semiotiki*, M., IJa RAN, Tverskaja GSHA, pp. 6–158 (in Russian).

Romanov, A. (2005) *Semantics and pragmatics of German performative statements-requests*, M., IJa RAN, Tverskaja GSHA (in Russian).

Romanov, A. (2018) Romanov A.A., Romanova L.A. The presentation act of selfie in communicative space of social networks // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. 2018. № 1. P. 1–38. Access mode: www.tverlingua.ru (in Russian)

Rust, S. (2008) *If a giraffe is dancing with a wolf*, StPetesburg: Piter, 128 p.

Searle, J (1977) A Classification of Illocutionary Acts // *Proceedings of the Texas Conference on Performatives, Presuppositions and Implications*, Arlington: Univ. Press, pp. 27–45.

Strawson, P (1964) Intention and Convention in Speech Acts // *Philosophical Review*, vol. 72, pp. 439–460.

Susov, I (1990) Pragmatic of discourse and ethnolinguistic's problems // *Pragmatic of ethnolinguistic discourse*, Kalinin: KGU, pp 154–166. (in Russian).

Susov, I (1996) Pragmatic structure of utterance // *Language communication and its items*, Kalinin: KGU, 248p. (in Russian).

Spivak, D (1987) Linguistics of changed state of consciousness // *Questions of language theory*, Vol. 2, pp. 77–86. (in Russian).